

МИЛОРАД ПАВИЧ

Внутренняя сторона
ветра
Роман о Геро и Леандре

Милорад Павич
Внутренняя сторона ветра.
Роман о Геро и Леандре
Серия «Магистраль.
Балканская коллекция»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=147088

Внутренняя сторона ветра. Роман о Геро и Леандре: Амфора; М.; 2024

ISBN 978-5-04-202372-9

Аннотация

Милорад Павич – знаковый сербский писатель, в произведениях которого магический реализм переплетается с гипертекстуальностью, позволяющей читателю определять фабулу романа и влиять на сюжет.

«Внутренняя сторона ветра» по своей форме напоминает водяные часы (клепсидра). Это книга-перевертыш, которую можно начать читать с любого конца.

Геро и Леандра разделяют столетия, но они чувствуют или, лучше сказать, предчувствуют друг друга сквозь века. Между ними через полотно времени протянулись тонкие нити, которые читатель может попробовать найти и связать воедино.

Леандр живет во времена турецких нашествий. Чтобы узнать свою судьбу, он обращается к прорицателям, которые предсказывают ему две смерти: от сабли и от огня. Эти пророчества – внутренняя и внешняя сторона ветра...

Геро знает, что она умрет в 12 часов 5 минут. А пока она преподает французский двум детям, один из которых живет в будущем и не видим в настоящем, и переводит романы, вставляя в них свои новеллы...

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Леандр	6
1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Милорад Павич

Внутренняя сторона ветра.

Роман о Геро и Леандре

Milorad Pavić

Unutrašnja strana vetra

© Jasmina Mihajlović, 2011 + www.khazars.com

© Савельева Л. А., перевод на русский, 2024

© Издание на русском языке. Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Леандр

Он был половиной чего-то. Сильной, красивой и даровитой половиной чего-то, что, возможно, было еще сильнее, крупнее и красивее его. Итак, он был волшебной половиной чего-то величественного и непостижимого. А она была совершенным целым. Небольшим, неопределившимся, не очень сильным или гармоничным целым, но целым.

1

– У будущего есть одно большое достоинство: оно всегда выглядит в реальности не так, как себе его представляешь, – говорил отец Леандру.

В то время Леандр был еще не вполне сложившимся юношей, он все еще не знал грамоты, но был красив. Леандром его пока никто не называл, это пришло позже, а мать заплела его волосы, как плетут голландское кружево, чтобы в дороге не нужно было причесываться. Провожая его, отец сказал:

– У него такая красивая, длинная шея, как у лебедя; не дай бог от сабли погибнет.

И Леандр запомнил эти слова на всю жизнь.

В роду Чихоричей все, кроме отца Леандра, из поколения в поколение были строителями, кузнецами и пасечниками.

Чихоричи осели на Дунае под Белградом, переселившись из Герцеговины, из того края, где пению в церкви учат раньше, чем азбуке, и откуда воды стекают в два разных моря: с одного ската крыши дождь сливается на запад – в Неретву и затем в Адриатику, а с другого на восток – через Дрину в Саву и Дунай и попадает в Черное море. Только отец Леандра пошел не в свою породу – о том, чтобы строить, не хотел и слышать.

– Стоит оказаться в Вене или в Будиме, среди всех этих домов, которые теперь понастроили, себя не помню и, только выйдя на берег Дуная, где щука глупее всего в феврале, понимаю, где я и кто я.

Однако Чихоричи ничего не знали о том, где проводит время и чем занимается их отец, чем кормится их семья. Он говорил им только, что живет благодаря воде и смерти, потому что живут всегда благодаря смерти. И действительно, отец Леандра приходил домой поздно, весь мокрый, то с Дуная, то с Савы, что всегда нетрудно было определить, ведь каждая река пахнет по-своему. И всегда в полночь, все еще мокрый, чихал десять раз, как будто считал.

Леандр, который в детстве носил имена Радача и Милько, с малых лет учился на примере деда и дядьев строительному делу, продолжая семейное ремесло. Он был хорошим плотником и каменотесом, особенно по мрамору, помогал при похоронах икон, а кроме того, у него был врожденный дар легко и быстро украсить картинками пчелиный улей или

поймать рой пчел. Если в те времена, когда они еще жили в Герцеговине, случалось, что в жару во время летнего поста нужно было идти на реку, находившуюся на расстоянии двадцати ружейных выстрелов, всегда посылали Леандра, и только ему удавалось наловить рыбы, выпотрошить ее, набить крапивой и принести домой, пока она не протухла. Позже, во время одного из своих путешествий, он увидел и навсегда запомнил, как в знак памяти о деспоте Джурдже Бранковиче привозили на Авалу хлеб, замешенный на дунайской воде и освященный в смедеревском храме Пресвятой Богородицы. Весь путь от Дуная до Авалы был разделен на этапы между верховыми гонцами, которые, передавая хлеб из рук в руки, доставляли его так быстро, что он еще теплым достигал застолья деспотов на горе, где его ломали на куски и делили между присутствовавшими вместе с солью, добытой под Жрновом.

– Все мы строители, – говорил Леандру, обычно за ужином, дед Чихорич, – но нам для работы дается необыкновенный мрамор: часы, дни и годы; а сон и вино – это раствор. Все мы строители времени, гонимся за теньями и черпаем воду решетом: каждый строит из часов свой дом, каждый из времени сколачивает свой улей и собирает свой мед, время мы носим в мехах, чтобы раздувать им огонь. Как в кошельке перемешаны медяки и золотые дукаты, как перемешаны на лугу белые и черные овцы, так и у нас для строительства есть перемешанные куски белого и черного мрамора. Плохо

тому, у кого в кошельке за медяками не видать золотых, и тому, кто за ночами не видит дней. Такому придется строить в непогоду да в невзгоду...

Леандр, слушая это, думал не о завтрашнем, а о послезавтрашнем дне и с удивлением замечал, что отец съедает ложку бобов за то время, пока сам он отправляет в рот три. В их семье каждому полагалось заранее определенное количество еды, и никто никогда не нарушал заведенного порядка, просто Леандр съедал столько же, сколько и другие, в три раза быстрее. Мало-помалу он стал замечать и то, что одни животные едят быстрее, другие медленнее, быстрее или медленнее передвигаются. Так он начал различать в окружающем его мире два разных ритма жизни, два разных биения пульса крови или соков в растениях, две разновидности существ, загнанных в рамки одних и тех же дней и ночей, которые одинаково длятся для всех, – но одним их не хватает, а другим достается в изобилии. И помимо своей воли чувствовал несовместимость с людьми, животными или растениями, у которых ритм биения пульса был другим. Он слушал птиц и выделял среди них тех, у которых был его ритм пения. Однажды утром, ожидая своей очереди вслед за отцом напиться воды из кувшина и отсчитывая его глотки, он понял, что пришло время покинуть отчий дом. Он вдруг понял, что отец уже дал ему и его братьям столько любви и умения, что ему, Леандру, хватит до конца дней, чтобы согреться и питаться этим, и он не сможет дальше накапли-

вать эту любовь, потому что она охватывает, как уже сейчас очевидно, и то время, когда самого Леандра (предмета и потребителя этой любви) уже не будет среди живых, – любовь отца, таким образом, окажется пущенной на ветер, бессмысленно перекрыв то расстояние, которое отделяло ее от точки приложения.

Вот как выглядел отъезд Леандра. Он умел играть на цимбале, и слушатели, довольные его игрой на праздниках, бросали внутрь инструмента медные монеты. В то время на савской пристани жили четыре старых возчика, тоже занимавшиеся торговлей и известные игрой на цимбалах. Случилось так, что один из них в дороге разболелся, и квартет остался без четвертого инструмента. Как раз в то утро, когда отец Чихорич решил начать учить сына письму и показывал ему первую греческую букву – Θ, – с которой начинается слово «Теотокос» (Богородица), в дверь постучался гость. Не успел Леандр впервые в жизни взять в руки перо, как в дом вошел самый старейший из возчиков, снял со стены цимбалу и, подержав в руке, прикинул, сколько она может весить. Видимо, вес инструмента, наполненного монетами, оказался хорошей рекомендацией. Возчик упросил отца Леандра одолжить ему сына вместо четвертого музыканта на такой срок, который нужен для поездки в Константинополь. Сам Леандр согласился без раздумий, так что его обучение письму закончилось, не успев начаться, на первой букве. Тем временем старейший возчик, приходивший к отцу Леандра, и сам заболел,

так что пришлось ради сохранения квартета взять в дорогу товарища Леандра, парня с герцеговинской границы по имени Диомидий Суббота.

Возчики отправились в путь по старой константинопольской дороге, ведущей из Белграда через Салоники до царского города. Они видели Геллеспонт, прошли через Сест и Абидос и спустя два года вернулись обратно домой, потеряв, правда, по пути еще одного из двух старых возчиков, погибшего странным образом. Он приказал верблюду лечь на землю, чтобы, спрятавшись за ним, сходить по нужде, но, пока мочился, верблюд повалился на бок и придавил старика насмерть. На следующий год, перед новой поездкой в Константинополь, музыканты нашли ему замену, но в день отправления каравана четвертый возчик, последний из старых, не появился. Молодые люди, поняв, что среди них не осталось никого из стариков, переглянулись, не сговариваясь, бросили подальше свои инструменты и отправились в путь уже не музыкантами, а купцами.

И опасное путешествие, и выгодная торговля между двумя разными мирами – Востоком и Западом, Европой и Азией – в те времена, когда турки всей своей массой двинулись на Вену, оправдали себя, но в дороге Леандр понял, что переполнен музыкой – так же как и отцовской любовью – до конца жизни и все, что будет к ней добавлено, просто перельется через край и уйдет в песок. Однако, увлекшись торговлей, он никогда больше не возвращался к цимбале, не только не брал

ее в руки, но и не чувствовал потребности слушать музыку в мире, пожиравшем вокруг него день за днем. Он полюбил свое новое ремесло, полюбил путешествия и верблюдов с их медленной, плывущей походкой, за которой на самом деле скрывается их невероятная способность буквально проглатывать расстояния, полюбил их быстроту и выносливость – он даже пытался подражать им, облекая свой естественный пульс, свое внутреннее время, свою быстроту в мягкие, нежные и тягучие движения. Скорость, обрядившаяся в лень, – вот была его цель. Зная, что это лучший способ защиты, он всегда скрывал, насколько сгорела его свеча, и молчал о том, что уже заранее видел из-за спины ветра. Ибо он понимал, что такая скорость похожа на опасное оружие, к которому люди относятся с подозрением. Так, наблюдая за верблюдами и годами упражняясь, он научился успешно маскировать свою необыкновенную силу и свои достоинства, будто это были пороки. И это защищало его от неудач и несчастий. Времена были тяжелые, и в пути нередко можно было встретить человека в окровавленной одежде. От купцов Леандр наслушался страшных рассказов о турках с саблями, ловцах скорости, любителях погони, охотниках за головами, которые подстерегают караваны и жестоко расправляются с купцами и возчиками. Ему рассказывали, что охотник за головой всегда держит за спиной ту руку, которая нужна ему для онанизма, и бережет ее как драгоценность, старается не перетрутить и ничего ею не делает, а саблю, которой сносит

головы с плеч, держит в другой руке. И хотя Леандр знал, что дьявол не может убить и что жизнь отнимает один только бог, ему все равно было страшно; и глаза его начинали метаться по лицу при одной только мысли о турке с саблей.

Страх в нем еще больше укрепил один предсказатель. Он жил в огромной растрескавшейся цистерне для хранения воды, мыл ноги, не снимая носков, и его одиночество портилось так же быстро, как творог на жаре. Леандру сказали о нем:

– Дашь ему медяк – побреет, дашь два – во время бритья предскажет твою судьбу. Но имей в виду, предсказывает он лучше, чем бреет.

Леандр сел на камень перед входом в цистерну и дал два медяка. Прорицатель рассмеялся, и стало видно то единственное, что в нем не старело, – его улыбка. Он велел Леандру раскрыть рот, неожиданно плюнул туда, потом разинул рот сам. Когда Леандр ответил пророку плевком, тот поплевал ему на каждую щеку, размазал плевки и начал бритье.

– Как ты думаешь, турки ударят завтра или послезавтра? – спросил его Леандр полушутя.

– Понятия не имею. – Голос прорицателя повис в воздухе, как большая плита.

– Что же ты тогда за пророк?

– Знаешь, прорицатели бывают двух сортов – дорогие и дешевые. Только не думай, что одни из них хорошие, а другие плохие. Дело не в этом. Одни занимаются быстрыми, а

другие медленными тайнами, вот и вся разница. Я, например, дешевый прорицатель, потому что и завтрашний день и следующий год скрыты от меня даже больше, чем от тебя. Я вижу очень далекое будущее, на два или три столетия вперед, – я могу предсказать, как будут звать тогда волка и какое царство погибнет. Но кого интересует, что будет через два или три столетия? Никого, даже меня. Мне на это плевать. Но есть и другие прорицатели – дорогие, например в Дубровнике. Они предсказывают, что случится завтра или через год, а это нужно каждому, как лысому шляпа, и у таких не спрашивают, сколько его пророчество стоит, а платят, не жалея, пригоршнями, как за перо жар-птицы. Но не следует думать, что два таких пророка и их пророчества никак не связаны друг с другом или что они друг другу противоречат. В сущности, это одно и то же пророчество, и его можно сравнить с ветром, у которого есть внешняя и внутренняя сторона, причем внутренняя – это та, которая остается сухой, когда ветер дует сквозь дождь. Таким образом, один прорицатель видит только внешнюю сторону ветра, а другой – внутреннюю. Ни один из них не видит обе. Поэтому приходится идти, по меньшей мере, к двум, для того чтобы сложить целую картину, сшить лицо и подкладку своего ветра...

А сейчас ты узнаешь все, что можно узнать от меня. Человек похож на судовой компас: вертится вокруг своей оси и видит все четыре стороны света, однако то, что происходит снизу и сверху, остается скрытым, оно ему недоступно. Но

как раз это-то и хочется узнать, это-то и интересует: любовь снизу и смерть сверху.

Любовь бывает разных видов. Одну можно подцепить только вилкой, другую едят руками, как устриц, иную следует резать ножом, чтобы не удушила тебя, а бывает и такая жидкая, что без ложки не обойтись. Но есть и такая, как яблоко, которое съел Адам.

Что же касается смерти, то это единственное, что под сводом небесным может, как змея, передвигаться и вверх, и вниз по древу нашего происхождения. Смерть может веками ждать твоего рождения еще до того, как ты родился, а может вернуться за тобой, выйти тебе навстречу из далекого будущего. Кто-то, кого ты не знаешь и никогда не увидишь, может натравить на тебя свою смерть, как охотничью собаку на дичь, или послать ее вдогонку за тобой с такого расстояния, которое невозможно себе и представить...

Однако оставим это. У тебя очень красивая шея. Такая шея влечет к себе и женские руки, и солдатскую саблю. А я вижу солдата в сапогах, он бреется саблей с золотой кистью на рукоятке, и тебя этой саблей он зарубит. Потому что, вот, мне ясно видна и твоя голова. На блюде, как голова святого Иоанна Крестителя. А причина в женщине... Но ты не бойся, это будет нескоро. До этого пройдет еще много времени, много скотины народится. А ты пока береги шею, лебедь мой, и от женщин, и от сабли. И умойся...

Так и бритье, и пророчество были закончены. Леандр шел

домой, а за ним падал первый снег этого года и звенел мощный голос пророка.

«Таким голосом, – подумал Леандр, – снег можно прижать, как ковром». И содрогнулся от холода, стоявшего вокруг, и от ужаса внутри себя.

Предсказание сразило Леандра. Страх встретить человека с саблей показался ему еще более обоснованным, чем всегда. Его сердце трепетало в груди, а сны стали заразными от страха, и если Леандру снилось, что ворона клюнула его в зуб, потому что он улыбнулся ей во сне, то все, к кому он в течение следующего дня прикасался, видели во сне ворону, клюющую их в зуб.

Однако в те дни, когда Леандр боялся человека с саблей больше всего, он его не встретил. Встретил он девушку. Пока Леандр и его товарищи пережидали на берегу Охридского озера зиму, ему стало казаться, что в своем страхе он хватил через край и потерял свой естественный ритм, что, вместо того чтобы развивать свое тайное преимущество, он его утрачивает. А началось все с того вечера, когда он, как ему показалось, услышал звуки цимбалы. И вдруг поймал себя на том, что прислушался к музыке, а не остался равнодушным, как прежде. Это показалось ему шагом назад. Играл не мужчина, а женщина, и эта разница, о которой Леандр знать не мог, не ускользнула от него. Прислушавшись, он заметил еще кое-что. В тех местах, где музыка требовала от исполнителя скрестить на струнах пальцы, звук цимбалы замирал

и продолжал звучать спустя еще несколько мгновений, как будто они были нужны для того, чтобы вдохнуть воздух. Леандр понял, в чем дело, и на следующий день, увидев девушку, которая играла, сказал ей прежде всего:

– Я слышал, как ты играешь. У тебя не хватает одного пальца на левой руке, безымянного. Но играть ты научилась еще до того, как его потеряла. Так было дело?

– Так, – ответила девушка, – три года назад мне подложили металлическую цимбалу с раскаленными струнами. С тех пор я играю просто так, чтобы не забыть, а тебя никто слушать не заставляет...

Леандр тут же подумал, что то, как научился жить он сам, может помочь девушке забыть о своем несчастье. Он попытался объяснить ей, что нужно жить быстро, не оглядываясь назад. И, гуляя из вечера в вечер вдоль берега озера, старался объяснить девушке свое необыкновенное и тщательно скрываемое свойство. Вскоре стало ясно, что Деспина, так звали девушку, была отличной ученицей, а дни, когда произошло несчастье с цимбалой и раскаленными струнами, оказались быстро забытыми. Она навсегда оставила инструмент, так же как Леандр в эти же дни расстался с купцами, сытый по горло их работой, переполненный страхом, с карманами, набитыми заработанными дукатами. Деспина постепенно перенимала его ритм еды, с успехом подражала его походке и речи, училась пользоваться глазами с такой же головокружительной быстротой, с которой делал это он; и бы-

вали такие моменты, когда ей казалось, что за день она проживает два дня. Однако во время этих уроков, гуляя вдоль берега и стараясь скрыть от других людей свою общую быстроту, как общую тайну, они постепенно сблизились. Ее кольцо иногда бросало отблеск прямо ему в глаза, а он, глядя на нее, размышлял, нет ли у нее на груди вместо сосков закрученных свиных хвостиков, как у некоторых изображенных на фресках грешниц. К этому времени Леандр о женщинах знал немного, как, впрочем, и о себе. Он знал, что с винами следует обращаться так же, как с женщинами: по-разному летом и зимой; знал также и то, что сильные вина переливаются летом, а слабые – зимой. Это было все, что по разговорам в семье было известно Леандру о женщинах, однако девушка без пальца, на котором носят обручальное кольцо, привлекала его. В те дни где-то ждала Леандра его *fabula rasa*, его «пустая история», и умоляла о том, чтобы он наконец в нее вселился.

Через Охридское озеро, разделяя его на две части, протекает река Дрим. Однажды вечером Деспина и Леандр положили в лодку рыбачью сеть и поплыли через озеро по реке, которая на заре доставила их на другой берег. В ту ночь в лодке, скользящей по двухслойной воде, покрытые сетью, они впервые легли вместе.

Но Леандр, который за несколько часов предвидел все, что должно произойти, в тот момент, когда его ожидания начали сбываться наяву, был более быстрым, чем его спутни-

ца, так что им не удалось даже прикоснуться друг к другу. Его ритм оказался совсем иным, чем ее, и так он впервые столкнулся со страшным роком, лежащим на дне его тайного преимущества перед другими. Они и потом никогда не могли достичь гармонии друг с другом, и Леандр, казалось, метал икру в озеро и реку, протекавшие под ним, наполняя не женское лоно, а лежавшую под ним сеть.

В последний вечер Деспина купила в монастыре Святого Наума две свечи, одну из них она дала Леандру, а другую оставила у себя в узелке. Как и обычно, они поплыли вниз по реке через озеро, и Леандр попытался еще раз. Последний раз. Когда у него опять ничего не получилось и он изверг семя, даже еще не прикоснувшись к девушке, Деспина дала ему свечу, чтобы он, орудуя ею, сделал ее женщиной. Потом, уже ближе к рассвету, взяла весло и подогнала лодку к песчаной косе перед построенным сербскими деспотами монастырем Богородицы Захумской, до которого можно было добраться только по воде. Вторую свечу, свою, она зажгла, протянув Леандру, поцеловала его и оставила в монастыре, а сама погребла вниз по течению Дрима.

Обезумевшие и измученные, они расстались навсегда, убежденные, что никогда не смогут соединиться. Когда Леандр со свечой в руке подошел к монастырю, заутреня подходила к концу. Еще до того, как войти в церковь, Леандр заметил, что в этот день в монастыре происходили похороны иконы. Икона из Пелагонии была очень старой, но, прежде

чем ее положили в могилу и полили вином, Леандр успел разглядеть ее. На ней были представлены Богородица, кормящая Младенца, и мужчина с топором – это был Иоанн Креститель, – стоявший рядом с ними. С детской ножки почти свалилась сандалия, и стоящий рядом с матерью человек подхватил ремешок, чтобы натянуть его ребенку на пятку; ребенок, почувствовав внезапное прикосновение, прикусил материнскую грудь, она же, поняв, что случилось, посмотрела на мужчину, поправлявшего сандалию.

Так замкнулся круг, непрерывная линия, соединявшая человека, его руку, пятку ребенка, грудь женщины и ее взгляд, обращенный к человеку. Эта линия, которую Леандр охватил взглядом за несколько мгновений до того, как икону засыпала земля, напомнила Леандру ту единственную букву, которую он выучил, – Θ, и он подумал: «Значит, все-таки соединение возможно!»

После этого он направился в монастырь, чтобы постричься в монахи.

Однако сразу это Леандру позволено не было. Во-первых, из-за того, что у него еще не росла борода. А когда он рассказал, откуда родом, и сообщил, что семья его не относится ни к западному, ни к восточному христианству, а сохраняет «веру дедов», то есть богомилов, или патаренов, пришлось ему на несколько лет сделаться послушником и каяться в своих грехах, ожидая приема в братство. Все это время он жил в деревянной колокольне, набитой книгами. Спал на

сложенных веревках от колоколов, которые будили его, вырываясь из-под тела по ночам, когда ветер раскачивал колокола и было слышно, как разбушевавшееся озеро с ужасающей силой швыряло прибрежную гальку в монастырские ворота. Но страх уже покинул Леандра. После того, что произошло у него с Деспиной, истории о людях с саблями и ночные кошмары казались ему детской игрой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.